

лиция, состоящая из нацменов ни то узбеки ни то кавказцы. С ними было еще хуже так как они находились в самом лагере и ведали раздачей пищи. Тут пища выдавалась организованно. В день давали консервную банку супу и хлеб не ежедневно, причем выдача пищи служила развлечением полиции и самих немцев. Военнопленных офицеров рядами по 6-8 человек прогоняли мимо раздачи и каждому в отдельности попадала различная доза хлеба: кому сто, а кому 20 грамм, третьему ничего не попадало, причем если он говорил, что хлеба не получил, его под общий смех начинали бить палками. После этого через час - полтора являлись полицейские с предложениями выменивать хлеб на драгоценности, причем отнимали еще то последнее, что еще у некоторых военнопленных оставалось. Мой командир Кудрявцев сохранил каким то образом золотные часы, когда он почувствовал слабость от недоедания, он решил спустить их. Ему предложили за часы два хлеба и полторы бутылки молока в день на протяжении двух недель, Кудрявцев согласился. В первый день ему дали полторы бутылки молока, два дня давали по кусочку хлеба, после этого нас эвакуировали из Бивниды в Проскуров, и больше он ничего не получал. В Проскурове были очень не долго. Здесь питание было не организовано, ели ни то соев ни то горох.

После этого 27-28 сентября нас погрузили в поезд, выдали по килограмму-полтора хлеба, и возили пять суток до города Владимира-Волынского, не выгружая и не давая возможности выйти опраться. 3-го октября мы прибыли в Владимир-Волынский. Большинство народа так обессилело, что не могли выйти из поезда, не могли двигаться. Нас погнали в лагерь для военнопленных. Здесь я пробыл полтора года.

Лагерь был размещен возле казарм Пилсудского: Само здание казармы принадлежало какой - то стрелковой дивизии советской до войны. На протяжении нескольких дней сюда согнали около

восьми тысяч человек офицерского состава. Наиболее характерным из жизни военнопленных в этом лагере является то, что из восьми тысяч человек офицеров, которые находились в этом лагере умерло и было расстреляно 3 тысячи человек, это по записям, которые были в госпитале. Списки эти находились у старшего лейтенанта госпиталя малеванчука, проживающего в данное время в Барском районе Винницкой области. В госпитале он работал писарем. У него были списки всех погибших, умерших от туберкулеза, поноса, сыпного тифа.

Жизнь в лагере была организована следующим образом: весь наличный состав военнопленных и офицеров был разбит на четыре полка по национальной принадлежности - первый полк украинский, второй и третий - русские полки, четвертый - интернациональный /как мы его называли/, состоящий из нацменов. Командиры полков были из состава наших же советских офицеров. Командиром первого украинского полка был подполковник Поддубный, бывший командир полка войск НКВД, стоявший до войны ни то в Коломые ни то в Стрие. Основная политика этого деления на нации, на расы - стремление отделить русских от украинцев. Во главе всего этого, кроме немецкого командования, которое находилось за пределами лагеря, в самом лагере был штаб дивизии военнопленных, командиром которого был Метавосян - бывший командир нашего полка или дивизии Красной Армии; начальником штаба был майор Шагинян.

Кроме штаба дивизии и четырех полков, было еще два блока, в одном помещался резерв для военнопленных, во главе которого сначала находился наш Киевский известный врач Гринер Лев Григорьевич - бывший начальник центральной железнодорожной поликлиники, после него - с марта 1942 года был Староверов Иван Георгиевич, работавший до войны директором медиздата Украины, в данное время он находится в городе Алексине, Тульской области, где работает в лагере для интернированных воен-

нопленных.

Кроме четырех полков и резерва на территории лагеря существовал еще генеральский блок. Там жила группа генералов во главе с командующими армии - Понеделина и Музыченко; генералов и старшего начальствующего состава было 9-10 человек, а также сюда входила медрота. В этот блок входили те, которые не занимали должности в остальных четырех блоках.

С первого же дня мы почувствовали в Владимире-Волынске педантичность и жестокость немецкого режима. Пищу получали один раз в день - суп. Это была вода с несколькими лепестками капусты, или вода с приятным запахом советского концентрата, причем этого концентрата ложилось там мало, что в пище чувствовался только запах его. Для получения этого супа выстраивался весь лагерь в несколько тысяч человек, пропускали под строгим конвоем по одному или по два человека. Хлеб выдавался буханкой на 10 человек, но ввиду того, что с первых же дней голодающие военные пленные два раза раскрадали хлеб, и таким образом, не хватило 2-3 буханок, - наказывался весь состав лагеря, и на другой день выдавалась не на 10, а на 20 человек буханка хлеба т.е. по 75 граммов на человека. Так было несколько раз.

Так продолжалось до декабря месяца, после чего мы услышали о существовании какой то ноты Молотова. После этого хлебная норма была увеличена и суп начали варить с отрубями, отчего народ начал больше болеть желудком.

Не работали, за исключением нескольких, которые обслуживали кухни военнопленных или немецкие. Кроме того изредка выделялись команды для заготовки дров.

Систематически ежедневно производилась поверка с целью препятствовать побегам, причем во время проверок народ выводился при большой стуже в 20 с лишним градусов полуодетые на

двор и там их продерживали по 2-3 часа, после чего только можно было вернуться в казарму. Это приводило к большому количеству заболеваний, в частности легочных больных, следствием чего явилось большое количество туберкулезных.

Во время проверок в присутствии немецкого командования лагеря, которое являлось в лагерь один раз в день, только на время проверки, производилась экзекуция. Провинившегося советского офицера, нарушившего с их точки зрения внутренний распорядок, 6-8 полицеев раскладывали на две скамейки, которые до этого выносились, и всыпали 25 горячих, причем делалось это всегда в присутствии всего лагеря военнопленных и самого командования.

Начальником полиции лагеря Владимира-Волынского сначала был известный майор Джигасов. О нем поговаривали, что он добровольно перешел на сторону немцев и передал им несколько артиллерийских орудий. Затем, после отъезда Джигасова начальником полиции был Бушуев. Последним начальником полиции в моей бытности был подполковник матвеев.

С октября до декабря 1941 года народ сильно обессилел, начала развиваться эпидемия сыпного тифа. За три месяца : с ноября по декабрь не было ни одного случая санитарного мероприятия, поэтому у большинства офицеров появились миазмы. Основное занятие всех военнопленных было битие вшей, как только начинало светать, так принимались за "работу", перерыв на получение еды, и опять за ту же работу - битие вшей. Ночью возле складного электрического фонарика выстраивались десятки людей и занимались все тем же делом. Не удивительно, - за три месяца не было ни одной бани, нас ни разу не переодевали. К концу декабря разгулялась эпидемия сыпного тифа и эпидемия безбедного поноса. Эти болезни охватили сотни людей. лазареты расширялись, в них было до тысячи человек, остальные люди не поместившиеся в лазарет, лежали в околотках без медицинской

9

помощи. медикаментов для военнопленных не отпускали, приучали от немцев жалкие остатки, которые были непроверенны или устаревшие.

С января месяца я начал работать в госпитале. Случилось это так: в декабре месяце я столкнулся с врачом - комсомольцем из Киева - дарницю, разговариваясь, он предложил мне обратиться к главному врачу лазарета Гриневу, заранее зная, что он хороший человек, с просьбой помочь мне. Я обратился к нему и узнал в нем своего старого друга - коммуниста. Он устроил меня на работу дезинфектора. Попасть в госпиталь было очень тяжело. Там было два дезинфекционных камеры. Прежде всего это облегчало мои мучения со вшами, кроме того работникам госпиталя и больным выдавалось по полтора литра супа в день и 200 грамм хлеба.

5-го декабря 1941 года в день Сталинской конституции был выстроен весь состав лагеря и немецкий фельдфебель начал звать номера людей в количестве нескольких сот людей. По составу нельзя было понять - здесь были и командиры и бывшие политработники и евреи. Начали отправлять команды по 40 человек, причем одну команду отправили, а остальные постояли несколько часов и их распустили. Как оказалось потом, эту команду расстреляли. Через месяца два - три однажды из карцера привели двух молодых людей - евреев с обмороженными ногами. Мне предложили взять их одежду. Это были люди оставшиеся из партии в 40 человек, которых расстреляли, а их оставили. Все это время они были в карцере. Их забрали в хирургическое отделение, а о дальнейшей судьбе их я ничего не знаю.

2-3 марта 1942 года многим работникам госпиталя - евреям объявили, что они поедут в Винницу в особый лагерь для военнопленных евреев. Все эти люди были расстреляны. Из известных мне были расстреляны Гринер, два брата Вайсблат, доктор Коган-ушник.

9

Расстрелы производились через 2-3 месяца. В июне увели 200 человек - евреев и политработников, тоже самое в сентябре, я точно не помню количество, в январе 1943 года - человек 30-35. Мне говорили, что после нашего отъезда еще был расстрел.

В отношении работы среди военнопленных. Наиболее стойкими и крепкими из всего состава военнопленных были русские полки. У значительной части из состава украинских полков, особенно среди людей сельских местностей и интеллигенции проскальзывали нотки каким то образом освободиться от плена, с тем, чтобы даже пойти на какой то компромисс с немцами, либывыйти на волю, в то время, когда среди русских военнопленных была стойкость, уверенность в победе Красной Армии, несмотря на то, что они буквально уже, как говорится, доходили. Среди украинских полков националистов было мало, в основном советские люди, были среди них инженеры, примерно, сахарники, они рассуждали так: - немцы восстанавливают сахарные заводы, хотя бы меня взяли на работу на этот завод. Так рассуждали и другие специалисты. Поэтому, когда немцы предлагали запись специалистов, то среди украинских полков это воспринималось с радостью, русские полки были более стойкими.

О массовой работе. Среди военнопленных работа проводилась, но организованным ли порядком или неорганизованным, - трудно сказать. Мы имели систематические информации о положении на фронтах, их доставляли первое время жены начальствующего состава в городе Владимире-волинске. Я лично узнавал много новостей порядка фронтового у подполковника Ковалева, который был командиром роты, так как ему передавали обрывки газет вместе с передачами жены начсостава. Газеты были украинские, немецкие, но из них мы узнавали где находится Красная Армия. Советских газет до 1944 года мы не видели. только